

УДК 316.6

Мостиков Сергей Владимирович

аспирант, преподаватель факультета социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

E-mail: smostikov@ya.ru

Mostikov Sergey Vladimirovich

Postgraduate Student, Lecturer at Department of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ
РОССИЯН КАК ИНСТРУМЕНТ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ**

**MIGRATION INTENTIONS
OF THE RUSSIANS AS A TOOL FOR
PSYCHOLOGICAL PROTECTION**

Аннотация

В статье приводится анализ миграционных намерений россиян за последнее 100 лет. Рассматриваются особенности эмиграционных волн, а также психологические особенности формирования и развития миграционных намерений россиян. Миграционные намерения определяются, с одной стороны, как психологическая защита (изоляция) от фрустрирующей социальной реальности, а с другой – как способ самоидентификации. Обозначая свои намерения, личность увеличивает психологическую дистанцию с окружающим социумом. Специфика миграционных намерений всегда зависит от социальной ситуации. В статье описаны современные представления о формировании и динамике миграционной готовности россиян, указаны результаты исследований (ВЦИОМ, Левада-центра).

Ключевые слова: миграционные намерения; психологические защиты; идентичность; эмиграция.

Abstract

The article provides an analysis of migration intentions of the Russians over the past 100 years. The author discusses the features of the emigration waves, as well as the psychological characteristics of the formation and development of migration intentions of the Russians. Migration intentions are determined as a psychological protection (insulation) against frustrating social reality, on the one hand, and a way of self-identification, on the other hand. Indicating their intentions the personality increases the psychological distance towards the surrounding society. The specificity of migration intentions is always dependent on the social situation. This article describes current ideas about the formation and dynamics of migration readiness of the Russians referred to the results of the research (VTSIOM, Levada-center).

Keywords: migration intentions; psychological protection; identity; emigration.

Большая часть миграционных исследований в настоящее время недостаточно учитывает психологические факторы и особенности личностной ориентации респондентов на принятие решения эмигрировать. Исследования миграционных намерений, а также психологических факторов, делающих возможным переход от намерений к действиям, является сравнительно новой и еще малоизученной темой для отечественной социальной психологии.

Для российской культурной традиции свойственно амбивалентное отношение к эмигрантам: с одной стороны, «чемоданное настроение», особенно в приватном пространстве межличностного общения, с другой – обвинения в антипатриотических настроениях уехавших в официальных заявлениях ряда российских политиков. Недостаточная научная разработанность данного вопроса приводит к отсутствию вдумчивой и осознанной миграционной политики в стране. Остается открытым целый спектр проблем, начиная с корректного учета эмигрантов и заканчивая работой с русскоязычными диаспорами за рубежом. Очевидно, важность этих задач, а также возможные выгоды при правильном к ним подходе еще предстоит осознать.

За последние 100 лет в истории России был целый ряд подъемов и спадов в миграционных настроениях населения; к сожалению, большая часть из них анализируется ретроспективно, когда люди уже уехали. Например, Д. С. Василькович отмечает: «Миграционная политика Российской Федерации с момента своего зарождения по настоящее время строится по “догоняющей” модели, как реакция на уже сложившуюся ситуацию» [2. С. 13]. За это сравнительно небольшое в исторической ретроспективе время страна пережила четыре волны эмиграции. Все они отличаются друг от друга по демографическим характеристикам, региональной направленности и причинам выезда. В каждом случае были свои психологические мотивы и причины для принятия решения об эмиграции. Несмотря на то что во всех случаях внешними причинами служили социально-экономические обстоятельства, решение индивидами принималось исходя из внутренней психической динамики, из того, как будущие эмигранты воспринимали и оценивали происходящие в стране события.

Первая волна (10–30-е годы прошлого века) была связана с Октябрьской революцией 1917 года. Возникшая в результате этого социально-политическая нестабильность и развернувшаяся борьба с инакомыслием привела не только к оттоку представителей прежней социальной элиты (аристократы, буржуа, участники Белого движения, предприниматели), но и значительной части представителей науки и искусств – это неизбежно сказалось на интеллектуальном потенциале страны (достаточно вспомнить т. н. «Философский пароход»). Основными пунктами назначения эмигрантов были: Франция, Германия, США, Китай. В силу политической конъюнктуры, развала Российской империи, экономического кризиса и гражданской войны, исследованием причин и динамикой миграционных потоков в то время никто не занимался. Кто-то уезжал добровольно, спасая свою семью и жизнь, кого-то высылали принудительно. В настоящее время, опираясь на исторические свидетельства и документы той эпохи, мы можем лишь предполагать психологический портрет эмигранта начала прошлого века: высокий уровень стрессоустойчивости, готовность к риску, минимальное использование психологических защит: идеализации и отрицания. Оставшиеся в России представители аристократии, очевидно, предпочитали использовать психологические защиты: изоляцию аффекта, а также игнорирование – это помогало не замечать многих трагических событий в жизни общества и одновременно сохранять веру в светлое будущее. Наверное, похожие психологические механизмы были задействованы у немецких евреев, оставшихся в Германии с приходом к власти А. Гитлера: отрицать очевидные факты и сохранять веру в лучшее, даже находясь на пути в Бухенвальд.

Вторая волна эмиграции приходится на 40-е годы прошлого века, она состояла из достаточно разнородных представителей общества. В нее вошли: люди из западных регионов СССР, предпочитавшие уехать в Европу вместе с отступающими фашистскими войсками; советские воины, решившие создать семью и остаться на Западе; граждане СССР, насильственно вывезенные немцами в Германию и отказавшиеся от последующей репатриации; военнопленные. Очевидно, наполнению этой эмигрантской волны поспособствовал приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16.08.41 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия», согласно п. 2 которого военнопленные отождествлялись с предателями, а их семьи лишались государственной помощи [7. С. 135]. В данном случае эмигранты неизбежно сталкивались с внутриличностным конфликтом: эмиграция – но утрата связи с семьей, либо возвращение на родину, но позор для себя и семьи. Безусловно, сейчас уже нет возможности провести психологическую диагностику участников тех событий, но мы можем предположить, что лица, совершившие выбор в пользу эмигра-

ции, характеризуются такими психологическими чертами, как индивидуализм, независимость от общественного мнения, склонность к риску. Очевидно, в силу этих психологических свойств личности стало возможным принятие решения о невозвращении на Родину, в то время как личности с большей степенью привязанности и высоким уровнем коллективизма трудно было жить и мыслить себя вне родной культуры и семьи.

Третья волна эмиграции приходится на 80–90-е годы. Если в 80-х годах отбывали в основном репатрианты (в Израиль, Германию, Грецию и т. д.) и диссиденты, то в 90-х основными драйверами мобильности становятся социально-экономические причины. Об этом этапе эмиграции Ж. А. Зайончковская пишет: «Она все больше характеризуется чертами, типичными в наше время для эмиграции из многих стран» [6]. С падением железного занавеса и распадом СССР эмиграция становится более разнообразной, появляются новые формы миграционной активности, не существовавшие до 1991 г.: временная, трудовая, семейная миграция, «утечка мозгов», «утечка невест» и т. д. На смену государственному планированию и регулированию мигрантских потоков приходит индивидуальная активность граждан, она выступает пусковым механизмом для принятия решения и планирования отъезда.

Говорить о серьезных, лишенных идеологической обработки научных исследованиях миграционных намерений граждан СССР в те годы не приходится. Учетом и контролем этого процесса занимались органы МВД и КГБ, статистические данные об отъезжающих были по большей части засекречены. Открытые обсуждения и научные исследования этого вопроса стали возможны лишь в период перестройки. Можно отметить следующие психологические факторы, подтолкнувшие к эмиграции:

- фрустрацию в результате невозможности удовлетворения базовых психологических потребностей (отсутствие социальной защиты, ощущение опасности, исходящей от государства, перманентная озабоченность, дефицит продуктов питания и т. д.);

- искусственно созданную сегрегацию по национальному признаку. Евреи, немцы, греки и др. народы зачастую ощущали себя чужими, не могли в полной мере реализовать свой личностный потенциал. Социальная категоризация (А. Тэшфел, Д. Брунер) и противопоставление «свой – чужой» находило проявление не только в фольклоре, но и в социальной жизни, действуя в качестве механизма выталкивания из страны (push-pull). В то же время активно действующие программы репатриации, предложенные Германией и Израилем, были притягательны для граждан СССР.

На основании изложенных фактов мы можем утверждать, что не существует единых «миграционных намерений», в зависимости от социальной ситуации структура и особенности реализации намерений различаются.

Безусловно, предложенная нами периодизация достаточно проста, но все же помогает создать общее впечатление о миграционных процессах в России. В качестве альтернативной, и в чем-то даже более детальной, периодизации мы можем сослаться на работы А. Ахиезера [1. С. 44], который подошел более фрагментарно и вычленил следующие этапы: 1) до 1861 г.; 2) 1861–1880-е гг.; 3) 1890–1914 гг.; 4) 1917–1952 гг.; 5) 1952–1992 гг.; 6) с 1 января 1993 г. (дня вступления в действие Закона о въезде и выезде).

В настоящее время наблюдается постепенное увеличение количества эмигрантов, которое падкие до сенсаций журналисты поспешили объявить 4-й волной. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики [11], в 2009 г. выехало за рубеж 32 458 чел., 2010-м – 33 578, 2011-м – 36 774, 2012-м – 122 751,

2013-м – 186 382, 2014-м – 308 475 [12], хотя имеется ряд проблем [10], которые ставят под вопрос эти цифры:

- отсутствие единообразной, открытой и понятной системы учета мигрантов и эмигрантов, а также их структурных характеристик. Вместо этого есть различные ведомственные методики и приказы по учету и сбору первичной информации, которые, естественно, руководствуются частными интересами ведомств и служб, а не представлением объективной картины. Предоставляемая наверх информация с мест оказывается искаженной;

- находящаяся в открытом доступе федеральная статистика базируется на закрытых ведомственных источниках, которые не могут быть проверены;

- постоянное отставание используемых методов и статистических категорий учета от социальной реальности. Одной из таких проблем становится «миграционный недоучет»: граждане, меняющие место проживания, не обязаны сниматься с регистрационного учета. «Снимаются с учета только те, кто продают свое жилье и уезжают на постоянное место жительства» [8]. Вне поля зрения остается огромная категория людей: работающие дистанционно фрилансеры, студенты, обучающиеся за рубежом, бизнесмены, появляющиеся на родине эпизодически, и т. д. [9]. Совокупность этих факторов оказывает решающее влияние на итоговые цифры миграционного учета, но даже сейчас любой активный исследователь может выявить значительное расхождение в данных, предоставляемых Росстатом (базирующихся на сведениях МВД и ФМС), и сведений из принимающих стран. Так, М. Денисенко и др. показывают, что «эта разница может достигать до 20 %» [5. С. 14]. Необходимо отметить, что начиная с 90-х годов в России стал появляться целый ряд интересных работ, отходящих от магистральных вопросов мигрантологии и нацеленных на изучение психологического содержания миграционных намерений. Необходимо отметить работы следующих авторов: Р. Р. Ишмухаметова («Депривация потребности в самореализации как фактор миграционной готовности личности»), Л. Леденевой («Не потеряет ли Россия своих Платонов и Невтонов?»), Е. О. Скрипника («Пространственная экономика»), Л. Б. Карачуриной, Н. В. Мкртчяна («Миграционная активность занятого и незанятого населения»), С. В. Чувашова («Взаимосвязь социально-психологического капитала и миграционных намерений молодежи»), А. Н. Татарко, А. А. Мироновой, С. В. Чувашова («Влияние культурного многообразия на социальный капитал в российском контексте»), Т. А. Рябиченко, Н. М. Лебедевой («Отношение к иммиграции и субъективное благополучие принимающего населения»), Г. У. Солдатовой («Психология межэтнической напряженности»), Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгеровой, Р. С. Шилко («Психологическая безопасность личности и общества в современном информационном пространстве») и целый ряд других, не менее интересных работ.

Если обобщить основные идеи сформулированные к настоящему времени, то можно утверждать следующее:

1. Социально-экономическая ситуация в России напрямую влияет на миграционные намерения россиян, но не всегда приводит к реальным действиям. Большинство респондентов указывают в качестве основных причин: финансовую ситуацию, социальную незащищенность, непредсказуемость и отсутствие стабильности. В итоге мы имеем повышенную тревожность и неудовлетворенную психологическую потребность в безопасности.

2. Частные предприниматели, женщины, студенты, жители городов с населением до 100 тыс., а также лица, находящиеся в активном поиске работы, чаще задумываются об эмиграции, но доводят свои намерения до реализации около 1 % [4], в основном это состоятельные, образованные представители среднего класса, проживающие в городах с населением более 100 тыс. человек. Хотели бы уехать порядка 22 % (в разные годы, в зависимости от социальной ситуации, этот показа-

тель колеблется). Таким образом, больше всего желающих уехать – в группе респондентов, имеющих минимальные шансы на переезд и получение визы. Очевидно, для данной социальной группы намерения выполняют роль жизненного стиля, психологической защиты от неудовлетворяющей социальной реальности.

3. Молодой возраст до 40 лет, наличие высшего образования, знание иностранного языка, опыт стажировок за рубежом, отсутствие семьи увеличивают вероятность переезда. Безусловно, это наиболее перспективная прослойка общества, но даже в этом случае мы не можем говорить об «утечке мозгов» [3. С. 44]. «Утечка мозгов» возможна только из антидемократического (закрытого) общества, в условиях открытого общества, включенного в общемировые процессы интеграции и коммуникации, уместнее говорить о «мозговом обращении» идей и концепций.

4. Низкая социальная включенность, низкий уровень социально-психологического капитала личности, недоверие к социальным институтам и слабо развитая гражданская идентичность препятствуют формированию ощущения принадлежности к обществу и стране в целом. Зачастую государственная и бюрократическая машина воспринимается как угрожающая, отсутствует базовое доверие граждан к органам власти, которыми социальная политика и права человека игнорируются. Все это приводит к росту миграционных настроений в стране. Постоянное ощущение психологического стресса, неудовлетворенность потребности в безопасности подталкивают индивида к поискам более стабильной социальной среды.

Интересные результаты дают разнообразные опросы общественного мнения в отношении эмигрантов. В одном из опросов ВЦИОМ респондентов просили описать эмигранта. Им оказался молодой мужчина, работник частного сектора, предприниматель, с высоким уровнем дохода, наличием высшего образования, гетеросексуал; проживает в мегаполисе, творческая личность, находится в политической оппозиции [13]. Данные о самых значимых событиях, связанных с темой эмиграции для россиян, представлены в таблице 1 (часть новостей была в дальнейшем скорректирована).

Таблица 1

ТОП-5 самых заметных в российских СМИ тем в контексте «эмиграции»

Рейтинг	Событие	Заметность события
1	К. Собчак покинула Россию по рекомендации спецслужб	148,02
2	Основатель фонда «Династия» Д. Зимин уехал из России	94,02
3	Переезд М. Гайдар на Украину	68,17
4	Основатель социальной сети «ВКонтакте» П. Дуров уехал из России	62,98
5	Обсуждение законопроекта о выплате пенсий пенсионерам, проживающим за рубежом	60,51

Колебания миграционных намерений россиян с разбивкой по годам представлены в таблице 2 [14]:

Таблица 2

**Хотели бы вы уехать за границу (за пределы бывшего СССР)
на постоянное жительство?**

Ответы	окт. 1990	апр. 1992	мар. 1993	окт. 1994	апр. 2009	май 2011	май 2012	май 2013	май 2014
Определенно да	11	13	15	11	13	7	6	6	5
Скорее да						15	14	16	12
Скорее нет	69	77	72	76	80	25	27	29	32
Определенно нет						48	46	40	45
Затрудняюсь ответить	20	10	14	13	6	5	8	9	7

Исследования миграционных намерений, проведенное Л. Д. Гудковым и др. [4], выполненное по принципу соотнесения: планов на отъезд; социального положения респондентов; отношения к ситуации в стране; предпринятых для миграции действий и субъективного восприятия жизненных перспектив, – выявило следующие закономерности. Миграционные намерения в большинстве случаев – это прожекты, которые хотя и колеблются в зависимости от происходящих в стране событий, но реализуются в редких случаях, они являются формой психологической защиты личности и могут выполнять следующие функции:

- избежать травмирующего столкновения с не удовлетворяющей индивида реальностью (аффективный уровень);
- сохранять прежнюю инертность и бездействие (поведенческий уровень);
- делегировать ответственность за свою жизнь на третьих лиц: чиновников, правительство и т. д. (когнитивный уровень);
- поддерживать представление о собственной исключительности, уникальности.

В качестве аналогии тезиса «миграция – как избегание неудовлетворяющей реальности», можно провести аналогию с «бегством – в болезнь» (З. Фрейд): в обоих случаях действует схожий защитный механизм избегания.

Больше всего желающих уехать среди мужчин, жителей небольших городов (с населением до 100 тыс. чел.), рабочих и служащих, представителей нижней части среднего класса, со школьным уровнем владения иностранным языком. Не более 3 % от числа заявивших о своих намерениях уехать предпринимают реальные шаги: рассылают документы, ищут работу, оформляют визу и т. д. (жители Москвы более активны), а не просто собирает информацию. Иными словами, за миграционными намерениями стоят «не столько мотивы реального действия, сколько символическая конструкция групповой или личностной идентичности» [4. С. 79]. Результаты указанного исследования показывают, что разговоры об эмиграции чаще ведут люди, обладающие низким уровнем социального капитала и испытывающие притязания на большее, чем имеют в реальности.

Выводы:

1. Миграционные планы большинства россиян в большинстве случаев являются прожектами, без тенденции к реализации. Их основная цель – психологическая защита, избегание реальных проблем.

2. Миграционные намерения и миграционные действия россиян зачастую направлены на удовлетворение различных психологических потребностей. В первом случае это психологическая защита, во-втором – активная попытка изменить условия существования.

Литература

1. Ахиезер А. Прошлое и настоящее эмиграции из России // Миграционная ситуация в России: социально-политические аспекты. – М. : Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1994. – С. 44–45.
2. Васькович Д. С. Иммиграционная политика Российской Федерации – динамика изменений : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М. : Изд-во Высшей школы экономики, 2009.
3. Гольдфельд М. Г. Исход науки из России: есть ли свет в конце туннеля? // Химия и жизнь. – 2007. – № 92. – С. 44–50.
4. Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Отъезд из России как социальный диагноз и жизненная перспектива // Вестник общественного мнения. – 2011. – № 4. – С. 46–80.
5. Денисенко М., Хараева О., Чудиновских О. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада // Научные труды / Институт экономики переходного периода. – М., 2003.
6. Зайончковская Ж. А. Эмиграция в дальнее зарубежье // Демоскоп Weekly. – 2001. – 30 июля – 12 августа. – № 27–28. – URL: <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps58.pdf>
7. Полян П. М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – 2-е изд., перераб. и доп. / предисл. Д. Гранина. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 135–136.
8. Рахманинова М. Никто точно не знает, сколько человек уехало из России // Известия. – 2003. – 16 декабря. – С. 11.
9. Тольц М. Статистический анализ эмиграции евреев из России // Мир в зеркале международной миграции. – М. : Макс-пресс, 2002. – С. 196–210.
10. Чудиновских О. Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики // Отечественные записки. – 2004. – № 4 (19).
11. Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – Разд. : Население. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
12. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm
13. Эмигранты из России: сколько их? Кто они? // ВЦИОМ : [сайт]. – Пресс-выпуск № 2902. – 2015. – 14 августа. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115348>
14. Эмиграционные настроения : пресс-выпуск // Левада-центр : [сайт]. – 2014. – 5 июня. – URL: <http://www.levada.ru/05-06-2014/emigratsionnye-nastroeniya>